

УДК 327

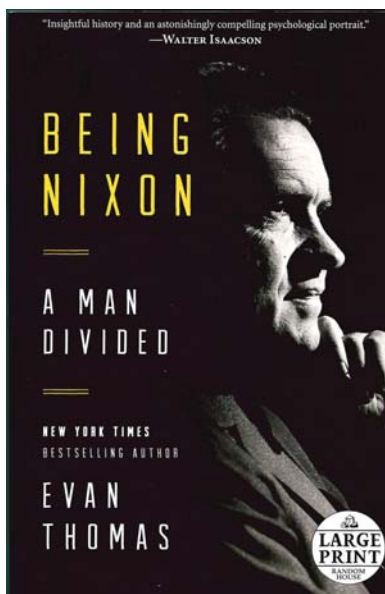
РИЧАРД М. НИКСОН: штрихи к портрету политика и человека

© 2016 г. **В.А. Соколов***

Статья поступила в редакцию 15.10.2015.

Ричард Милхаус Никсон, 37-й президент США, как человек и как политик однозначной оценке не поддаётся. С одной стороны, он предстаёт как «политический гений», сумевший неоднократно вернуться к вершинам государственной власти буквально из забвения. С другой стороны, это человек, нанёсший значительный ущерб американским представлениям о демократии и политической культуре. Статья посвящена анализу книги И. Томаса «Быть Никсоном. Раздвоение личности»^{**}, которая приурочена к сорокалетию отставки американского президента вследствие «уотергейтского скандала». Это своеобразный политический портрет человека, оказавшего огромное влияние на развитие внутривластной жизни в США и международной обстановки в послевоенный период.

Ключевые слова: Советско-американские отношения, Р. Никсон, «уотергейтский скандал», импичмент.

В 1974 г. в результате внутривластного кризиса («уотергейтский скандал») был вынужден уйти в отставку, пережив, как теперь говорят у нас, настоящий «удар властью» президент США Р. Никсон. События этого периода представлены в книге весьма развёрнуто. Нужно отметить, что автора вообще отличает довольно «густой», местами перенасыщенный деталями и фактами стиль. При этом и сама книга И. Томаса, на наш взгляд, выполняет роль своеобразного противовеса довольно широко распространённому негативному имиджу Никсона. Не ставя перед собой задачи обожествлять Никсона (учитывая его преступления), будет нелишним отметить и его важную роль в истории.

Его будущая супруга Пэт не раз повторяла своим подругам, удивлявшимся его настоячивыми и самоуверенными ухаживаниями: «Од-

* СОКОЛОВ Владимир Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики МГИК. Российская Федерация 141406, Московская область, г. Химки, ул. Библиотечная, 7 (nsokol21@mail.ru).

** Thomas E. Being Nixon: a Man Divided. New York: Random House, 2015, xvi + 864 p.

нажды он станет президентом» (р. 35). Никсон, считает автор, «глубоко верил в свою страну и в значительной мере реализовал свои амбиции стать государственным деятелем» (р. xv).

Скандалное «уотергейтское дело» надолго заслонило образ реального Никсона, адекватное понимание которого немыслимо без учёта социально-психологического фактора его биографии. Практически всю свою сознательную жизнь Никсон безуспешно стремился преодолеть своеобразный комплекс неполноценности своего происхождения. Он бесспорно «был более ловким и интеллектуальным, более открытым для новых идей, чем любой находившийся на этом посту президент, включая тех, кто учился в Гарварде» (р. 7), на учёбу в котором у его семьи не было средств. К выпускникам Гарварда он сохранял особую неприязнь всю свою жизнь, хотя некоторых из них он привлекал в свою администрацию (Г. Киссинджер, Д. Мойнихэн).

Большое внимание Никсон уделял налаживанию и сохранению контактов с влиятельными людьми. К их числу, несомненно, стоит отнести и автора книги, который встретил Никсона впервые уже после свержения последнего с вершин политической власти, в 1988 г. в редакции журнала «Ньюсуик», куда Никсон пришёл на встречу с группой редакторов и писателей. После своего выступления он неожиданно подошёл к ошарашенному И. Томасу и сказал: «Ваш дед был великим человеком» (Норманн Томас был лидером Социалистической партии Америки в течение многих лет – с 1920 по 1960 гг.). Из этих слов автору стало ясно, что Никсон заранее внимательно проштудировал список лиц, приглашённых на встречу (р. 737).

В этом жесте Никсона видится многолетний опыт американского президента, умевшего не только общаться, но и располагать к себе людей. Попал под это обаяние и автор книги, который пишет о Никсоне без предубеждения, старается «понять, каково это было в действительности быть Никсоном» (р. xvi). Президент, пишет Томас, «обладал удивительной способностью запоминать имена» и далее поясняет: «Он работал над этим, создавая картотеку из тысячи имён с характеристикой мелких индивидуальных особенностей отдельных лиц, поддерживающих его» (р. 82). Или: «Ничего не доставляло ему такого удовольствия, как умение перехитрить своих врагов» (р. 82).

Из-за щетины на лице, от которой, казалось, он никогда не может избавиться, Никсон выглядел довольно грозно, будучи вполне скромным и даже застенчивым. При этом Никсон мог быть вдохновенным «шоуменом», игравшим популярные мелодии на фортепиано и руководящим хором людей, ему подпевающих (р. 54). Он обладал поразительной способностью пренебрегать неудобствами и переносить удары судьбы. Для него это стало нормой и даже необходимостью. Политика же была для него чем-то таким, где он мог достигнуть успеха, выступая, если надо, в роли цепного пса (р. 45). При этом его вечным врагом стала пресса (р. 46).

В своё время он был, возможно, самым неопытным, «зелёным» конгрессменом, но вместе с тем амбициозность его была поразительной. Преисполненный решимости проявить себя на главной доступной ему сцене, он понял, что по мере ввязывания Америки в «холодную войну», главными событиями для национального политика становились международные отношения, а Республиканская партия, если будет двигаться назад в сторону изоляционизма эпохи, предшествовавшей Второй мировой войне, может отстать от времени (р. 57-59).

Не обошёл автор стороной и широко изветные антикоммунистические взгляды ещё действительно «зелёного» политика Никсона. Он голосовал за «План Маршалла» по восстановлению Европы, объясняя в родной Калифорнии, что американское вмешательство спасёт Европу от голодной смерти и, самое главное, поможет защитить Запад от коммунизма, который многим в Америке представлялся сущим кошмаром, порождением дьявола и даже болезнью, в общем, чем-то явно неамериканским (р. 59).

Исследование Томаса справедливо расценивается рядом критиков как книга психологическая, в которой автор то и дело стремится познать внутреннее состояние Никсона – человека и политика. Например, на каком-то этапе «он был преисполнен решимости перестать переживать относительно своей обеспокоенности» или «Никсон почувствовал, что он преодолел свои недостатки, не уступая, а отвечая ударом на удар» (р. 70).

Но было у Никсона ещё одно качество: это умение сносить фактические издевательства над своей персоной, стойко держа удар. В книге приводится один эпизод с участием крупного политика и дипломата А. Гарримана, который, увидев Никсона на одном званом приёме, довольно резко заявил буквально следующее: «Я бы не поделился хлебом с этим человеком!» (р. 86). Замечание, которое Никсон пропустил мимо ушей. Конечно же, автор не преминул заметить, что общество в элитной части Вашингтона – «джорджтаунский кружок»^{*} – «не было миром Никсона и в его представлении, и в действительности. Оно должно было стать лагерем врага» (р. 87).

Ни на секунду не забывая о своём происхождении, Никсон всегда стремился убедить окружающих и самого себя, что он в состоянии достигнуть тех высот в обществе, которые другим доставались фактически по наследству. При этом «движущей силой его жизни было стремление доказать своей матери, что он хороший парень. Он не мог быть неудачником, потому что это означало бы подвести матушку» (р. 90). Автор то и дело напоминает, какую роль играли родители в жизни Никсона, который утверждал: «Я унаследовал от отца горячий темперамент, а от матери – способность контролировать его» (р. 144).

Несомненный интерес представляют отношения Никсона с президентом Эйзенхауэром, к которому он как вице-президент «всегда относился как младший офицер к командующему генералу» (р. 98). Эйзенхауэр, по словам автора, проводил политику «невидимой руки», позволяя Никсону и другим лицам брать на себя публичную сторону процесса и, когда необходимо, выполнять «грязную работу» (р. 118). Никсону, например, поручалось доставлять трудные послания таким руководителям, как Ли Сын Ман в Южной Корее и Чан Кайши на Тайване, каждый из которых вёл себя агрессивно по отношению к своим коммунистическим соседям, что, по мнению автора, «вело к риску втягивания Америки в Третью мировую войну» (р. 118). Но Никсону, считает И. Томас, доставляло своеобразное удовлетворение участвовать в таких интригующих миссиях не в качестве «посыльного мальчика» великого президента-генерала, а как дипломата сверхдержавы, способного продемонстрировать свою значимость и утончённость (р. 119). Супруга же Никсона Патриция (Пэт)

^{*} Подробнее о «джорджтаунском кружке» см.: Самуйлов С.М. Вашингтонская элита во время «холодной войны» и современность. // США ❖ Канада: экономика, политика, культура, 2016, № 5, с. 31–52.

опасалась, что, если всё сложится благополучно, то все заслуги будут приписаны Эйзенхауэру, а если – нет, то вина будет возложена на Никсона (р. 125).

Читателя вполне резонно может занимать вопрос, как могло случиться, что такой прожжённый политик впоследствии увязнет в «уотергейтском скандале»? Бесспорно, Никсон был личностью исторической, а, по его собственным словам, «как только вы попадаете в этот великий поток истории, вы не можете оттуда вырваться» (р. 129). Быть может, в этом кроется один из секретов Никсона – неординарного человека, сотканного из противоречий. Ведь достигнув высот политической власти и имея все шансы оставаться там весь второй президентский срок, он с упорством, достойным лучшего применения, стремился ни в чём не уступить демократам, которых винил во всех бедах и прежде всего в развязывании войны во Вьетнаме.

Поворотным моментом в восприятии Никсона многими американцами стали так называемые «кухонные дебаты» с Н.С. Хрущёвым на американской выставке в Москве. После них, считает Томас, президент предстал в качестве государственного деятеля, который способен управляться с русскими (р. 147).

Никсону, как мы уже отмечали, то и дело приходилось преодолевать социально-психологические барьеры своей карьеры, сносить плохо скрываемое презрение к своей персоне и происхождению со стороны таких аристократов, как, например, уже упоминавшийся А. Гарриман. Но в этом заключалась подмеченная И. Томасом сильная сторона Никсон-политика: для многих избирателей он казался «своим парнем», а вот Кеннеди – нет (р. 151).

Для характеристики Никсона автор привлекает высказывания различных видных политических деятелей и среди них – дипломат Эдлай Стивенсон, который в 1956 г. сказал: «Страна клеветы и страха; страна лукавых косвенных намёков, отравленных писаний, анонимных телефонных звонков, предвыборных кампаний и толкотни; страна крушений, схваток и победы любой ценой. Это страна Никсона – "Никсонландия"» (р. 187). На каком-то этапе, после серии поражений он как политик был списан аналитиками навсегда (р. 188). Д. Мойнихэн вообще очень резко высказывался о Никсоне: «Он невежествен и ничего не знает» (р. 200). Как потом выяснилось, к удивлению Мойнихэна, Никсон был готов учиться. Сам факт, что Никсон наймёт Мойнихэна, интеллектуала, либерального гарвардского профессора на работу в качестве своего главного советника по вопросам внутренней политики, свидетельствует, по мнению автора, об открытости Никсона к новым, преобразовательным идеям (р. 201).

Этот «невежественный», но умеющий владеть собой политик оказался, видимо, востребованным для правящих кругов, когда в 1967 г. расовые, сексуальные и военные проблемы достигли в стране такого накала, что, казалось, Америка находится на грани революции (р. 198). Опросы общественного мнения показывали, что четверть населения страны готова использовать ядерное оружие для победы в войне (р. 198).

По мнению автора, трудно переоценить влияние президента Франции Шарля де Голля и канцлера ФРГ Конрада Аденауэра на Никсона, которые подталкивали его к идее налаживания отношений с Китаем в качестве своеобразного рычага влияния на позицию СССР.

Однажды в декабре 1967 г. Никсон после традиционно отмечаемого в семье рождественского торжества отправился в свой кабинет, достал жёлтый блокнот, который, по словам Леонарда Гармента, был «его лучшим другом», и стал набрасывать список причин, по которым ему не следует включаться в президент-

скую гонку. «Проиграть опять (после того, как он уступил Кеннеди в 1960 г. – В.А.) означало бы навлечь эмоциональную катастрофу на мою семью» (р. 208). С другой стороны, в книге приводятся слова Гёте о том, что, когда люди предопределённой судьбы (*men of destiny*) уходили с публичной сцены, они теряли волю к жизни и вскоре умирали. Никсон, помнивший это высказывание, опасался, что то же самое может случиться и с ним. Он действительно уверовал, что он был «человеком судьбы», и того же мнения придерживалась его семья, хотя иногда этому предназначению противилась супруга. Но «ничего в жизни он так не опасался, как подозрений в слабости», – писал Генри Киссинджер в своих мемуарах (р. 211). По мнению автора, Никсон время от времени получал удовольствие от роли «адвоката дьявола», то провоцируя противника, то заигрывая с ним (р. 12). В этом он находил некую опору в лице Джона Митчелла, партнёра по адвокатской практике, считавшегося или выдававшего себя за тяжеловеса американской политики. Другими «тяжеловесами» были Боб Холдемэн и Джон Эрлихмэн. Под влиянием этих и некоторых других людей «родился новый Никсон», более сдержанный и хладнокровный (р. 216).

Образно говоря, «Никсон примерял на себе одеяния де Голля» (р. 216) Он практически избегал разговоров о расовых беспорядках или сексуальной революции и преднамеренно неопределённо высказывался по Вьетнаму.

Если, будучи вице-президентом он выступал в ястребиной манере, то со временем риторика его высказываний обрела более мирный характер. Он выступал за «окончание войны и достижение мира на Тихом океане» (р. 217). И всё же «новый Никсон» был таким же застенчивым и неуклюжим, как и прежний (р. 217).

В 1968 г. Никсон не намеревался взывать к чувству гнева электората. Он скорее обращался к чувствам избирателей, уставших от стенаний, к тем, кого он называл «тихим центром, к миллионам людей в центре политического спектра, которые громко не протестуют, не участвуют в демонстрациях или пикетах» (р. 226–227).

Громогласный, злой голос кампании 1968 г. принадлежал губернатору Дж. Уоллесу, выступавшему в качестве независимого кандидата, который атаковал как кандидата от демократов вице-президента Г. Хэмфри, так и Р. Никсона, ставленников, по его мнению, истеблишмента. При этом Уоллес считал, что «между ними разницы – ни на грош» (р. 227). Никсон же понимал, что избирателям нужен спокойный, зрелый, опытный кандидат (р. 227).

Удивительным свойством Никсона, очевидно, можно назвать его способность и готовность осваивать новые приёмы в медийной области, как это и произошло в случае привлечения им для консультирования телевизионного продюсера Роджера Айлеса, несколько изменившего имидж Никсона на ТВ для придания ему большей естественности (р. 228).

Вообще говоря, избирательная кампания не доставляла Никсону удовольствия, будь то встречи с толпами, жаждущими приблизиться к кандидату, получение благословения служителей церкви или общение с прессой. «Помните, – откровенно говорил он своему спичрайтеру У. Сэфайру, – пресса – это враг» (р. 231).

«Новый Никсон достиг некоторых успехов в отношениях с «четвёртой властью», – замечает И. Томас, – но старый Никсон знал, что это временный успех. Антиниксоновские предубеждения имели слишком глубокие корни» (р. 231). Хотя Никсон пользовался поддержкой консервативной прессы (газеты

Хёрста, «Чикаго трибюн»), репортёры-издатели многих мелких и среднего уровня городских газет становились всё более либеральными.

Несомненный интерес представляют части книги, посвящённые описанию поведения Никсона в ходе избирательных кампаний, где проявлялись его не всегда корректные манеры в отношениях с непосредственными помощниками и даже с супругой. На это указывал его консультант по связям с общественностью, отмечавший в частности, что женщины-избирательницы всегда уделяют особое внимание тому, как кандидат в президенты ведёт себя со своей супругой.

Политический шпионаж – настолько же древнее занятие, как и сама политика. В Америке, конечно же, в периоды политической активности практически все участвующие в кампаниях шпионят за своими оппонентами, некоторые более эффективно (или более нагло), чем другие, нередко прибегая к грязным трюкам. В 1960 г., вспоминал Эрлихман, избирательный штаб Никсона «всегда ощущал, что его немного обходят; парни Кеннеди в действительности были изощрённее нас в грязных делах» (р. 237).

К 1968 году «Никсон требовал, чтобы его штаб вёл свою кампанию так, как если бы мы участвовали в масштабной войне», – писал Эрлихман, и это означало ведение войны в воздухе, на суше и участие в тайной войне.

Автор также отмечает роль женщин в укреплении решимости Никсона продолжать бороться и делать всё для победы. Речь идёт о его жене, двух дочерях – Джулии и Трисии и его «святой» матушке, которые хотели, чтобы он шёл на всё для победы – без компромиссов, двусмысленностей и отступлений (р. 241).

Представляет интерес интерпретация автором отношений Никсона накануне выборов с ещё действующим президентом Линдоном Джонсоном, с которым был заключён своеобразный пакт о ненападении, когда оба политика напоминали двух петухов, не вступающих в драку, пока кто-нибудь из них не проявит агрессивности. В то же время симпатии Джонсона конечно, должны были быть на стороне своего вице-президента Хэмфри, которого к тому же якобы пыталась поддержать Москва, уговаривавшая вьетнамцев принять условия американцев для проведения мирных переговоров и предпочитавшая иметь в качестве будущего противника в «холодной войне» Хэмфри, «менее ужасного», чем Никсон (р. 246).

В ночь после голосования советники Никсона постоянно говорили ему: «Не беспокойтесь... мы почти там», – вспоминал он потом. «**Почти**. Я был **почти** там в 1960 году» (р. 256). Впоследствии Никсон сказал побеждённому Хэмфри: «Прекрасно знаю, как вы себя чувствуете». Дома Никсон включил на всю мощь проигрыватель, поставив стереопластинку с музыкой Рихарда Вагнера «Победа на море», чтобы «все в доме на Пятой авеню пятью этажами ниже могли слышать это. Он вспоминал о длительной борьбе со многими отступлениями, увенчавшейся, наконец-то, «решительной победой» (р. 258).

Как утверждает автор, Джонсон почти открыто угрожал Никсону предать гласности одну «грязную историю» о перехваченном секретными службами разговоре людей Никсона с Дьеме – южновьетнамским послом в Вашингтоне, которого те якобы предупредили о грядущей победе республиканского кандидата и обещали содействие в случае удачного исхода выборов. В то время, напоминает автор, секреты в ходе избирательной кампании крали не реже, чем сегодня, но между ворами существовал своего рода уговор, согласно которому противоборствующие стороны чрезвычайно редко обнародовали грязные де-

лишки своих оппонентов, а пресса была более пассивной, а также более осмотрительной и предпочитала не вторгаться в личную жизнь политиков. Прибегая к метафоре ракетно-ядерного противостояния, автор замечает, что это была политика «сдерживания» из-за угрозы взаимно гарантированного уничтожения (р. 259). Таинственную историю Джонсон унёс с собой в могилу, тщательно избегая упоминания о ней в своих мемуарах. Эта история, конечно, любопытна с точки зрения её своеобразной реминисценции в связи с «уотергейтским делом», о чём пойдёт речь впереди...

Не менее любопытно описание Томасом отношений Никсона с шефом ФБР Эдгаром Гувером, который содействовал Никсону-кандидату, стремясь «забронировать», а точнее, сохранить своё место в администрации нового президента, и в этой связи предупреждал Никсона, что по приказу Джонсона ФБР устроило прослушивание самолёта Никсона; факт, в котором Томас сильно сомневается, поскольку считает, что этого не могла допустить секретная служба будущего президента (р. 261). Ещё более удивительным предстаёт признание Гувера, что Джонсон устроил прослушивание всего Белого дома, чего Томас как раз не отрицает (р. 261).

Несомненно, интересны зарисовки Томаса относительно сближения Никсона и Генри Киссинджера. Ознакомившись с трудами последнего, Никсон заключил, что их взгляды на мир совпадают, поскольку как практик «реальной политики» он верил в поиски баланса сил (р. 265). Самой великой мечтой Никсона было стать государственным деятелем, который создал бы новый мировой порядок, сохранявший если не американское доминирование, то, по крайней мере, превосходство, стараясь сбалансировать силы друзей и врагов Америки. Никсон инстинктивно понимал, что Киссинджер может помочь воплотить его смелые планы. Вдвоём они смогут оставить замечательное наследие дипломатических достижений. Но ни один из них никогда не соглашался уступить другому первенство в этом смысле – обычно Никсон выступал как автор идей, а Киссинджер воплощал их в жизнь: их взаимоотношения носили прямо-таки шекспировский характер по своей завистливости, страстям и предательству. Это был тот редкий случай, когда два человека совершенно подходили друг другу и дополняли один другого (р. 265).

«Я не доверяю Генри, но я могу использовать его», – говорил Никсон про Киссинджера, допуская, что последний мог тайно информировать демократов о своих планах. Как и Никсон, Киссинджер прекрасно умел стравливать своих врагов и соперников. В то же время автор остроумно подмечает: «Но прежде всего Киссинджер также знал, как стравить Никсона с Никсоном» (р. 266). Киссинджер также понимал, что президент не только опасался «гарварда», но и тянулся к нему. Несмотря на его неприязнь к выходцам из этого университета, в его штат фактически «прописались» такие интеллектуалы, как Даниэль Патрик Мойнихэн, советник по вопросам внутренней политики, и его «посланец» по внешнеполитическим делам Генри Киссинджер.

Специальный помощник Никсона Дуайт Чапин заметил, что в Белом доме «характер Никсона начинал меняться. Он становился более формальным и отчуждённым, но хуже всего было то, что он не встречался с конгрессменами и сенаторами, чем нажил себе множество врагов» (р. 274). В то же время Никсона отличала открытость новым идеям и готовность задействовать их в своей политике, что свидетельствовало о его «внутреннем мужестве» (р. 281)

И. Томас достаточно занимательно погружает читателя в атмосферу Белого дома эпохи Никсона, знакомя с такими его обитателями, как Боб Холдемэн и Джон Эрлихман, ближайшими помощниками президента, и его многолетним секретарём Роуз Мэри Вудс, ставшей фактически членом семьи Никсонов. Никсон был по своему образцовый семьянином. Поэтому вполне естественно в его «антураж» входили супруга Пэт и дочери Трисия и Джулия, о которых постоянно упоминается в книге.

Любопытно характеризует личность Никсона его собственное замечание относительно роли президента: «Я всегда считал, что во внутренних делах страна могла бы обходиться совсем без президента. Президент необходим для внешней политики» (р. 285). В то же время он прислушался к совету Мойнихэна относительно сокращения числа бюрократов и социальных работников. «Он был активистом», – вспоминал Бил Тиммонс, отвечавший за связи с Конгрессом. – Он хотел сделать множество вещей, за которые никто никогда не брался» (р. 287). «С точки зрения нашего, более позднего и менее самонадеянного столетия, – замечает И. Томас, – администрация Никсона была поразительно деловитой» (р. 287). Хотя Никсон по всеобщему признанию, и вполне заслуженно, характеризуется как циник, его подход к проблемам правления, считает Томас, по сути был положительным. Он верил, что может сделать многое, и что попытаться осуществить задуманное – его истинный **долг** (р. 287).

Он исходил из некоего постулата середины XX века, в соответствии с которым правительство существует для разрешения проблем, и он брался за них, пока «уотергейт» не проглотил его (р. 287).

Президент видел мир таким, каким он был, а не таким, каким он мог бы быть по чьему-нибудь желанию. Он был весьма открыт новым идеям и глубоко о них размышлял, но странным образом не поощрял открытых прений по ним на своих совещаниях (р. 289).

Никсон не мог оставаться спокойным в отношении своего «медиа-имиджа» (р. 290). Постоянно стремясь одержать верх над прессой, он сознавал, что ему этого никогда не добиться (р. 290). Но что ему действительно удавалось, так это обойти руководителей прессы с помощью телевидения (р. 291).

В то же время, считает автор, пресса ужесточала своё отношение к власти. Никсон стал президентом, когда из-за вранья Джонсона о подлинном положении дел с войной во Вьетнаме и брожения 1960-х уже возникла «брешь в доверии» к власти. Появилось новое поколение журналистов, иногда чрезмерно критически настроенных как, например, Брэдли из газеты «Вашингтон пост», ставшей «бастионом сомневающих» (р. 293).

Особый интерес представляют зарисовки общения Никсона с французским президентом де Голлем, с которым он вёл себя исключительно учтиво вплоть до вежливого копирования некоторых деталей поведения последнего: встречаться в пасмурную погоду без пальто или выступать без подготовленного заранее текста. Никсон внимательно воспринимал своеобразные наставления генерала относительно политики с Китаем: использовать Пекин в качестве противовеса Москве, не дожидаясь его превращения в полноценную ядерную державу, когда придётся довольствоваться некоторыми остающимися менее существенными возможностями. Никсон, замечает автор, конечно же, знал старую поговорку, гласящую: «Враг моего врага – мой друг» (р. 301).

Небезынтересно, что на вопрос Никсона, что бы он сделал в отношении Вьетнама, де Голль ответил: «Вы хотите услышать от меня, что бы я делал на

вашем месте? Но я не на вашем месте!». Даже у де Голля не было ответа по Вьетнаму, резюмирует автор (р. 302).

Конечно, война во Вьетнаме – особая страница не только в истории США, но и в биографии Никсона, считавшего, в частности, что её развязали демократы, в отношении которых, по мнению некоторых историков, он испытывал прямо-таки параноидальную неприязнь и стремился сделать всё, чтобы эта война не ассоциировалась с его администрацией. Собственно, эта паранойя и подвигла его окружение к взлому в отеле «Уотергейт» для установки подслушивающего оборудования. Можно сказать, что война во Вьетнаме способствовала «выселению» из Белого дома как Джонсона, так и Никсона, который намеревался, по его словам, остановить эту войну как можно быстрее (р. 302). При этом он, как и Эйзенхауэр в случае с войной в Корее, был готов блефовать относительно использования ядерного оружия, лишь бы остановить войну (р. 303). На самом деле, как считает И. Томас, «подлинная правда об окончании корейской войны была более сложной», и «модель Эйзенхауэра» не могла быть применена во Вьетнаме. Эйзенхауэр, бывший Верховный главнокомандующий союзными войсками и «освободитель Европы», обладал авторитетом и уверенностью, которых не хватало Никсону (р. 303).

Киссинджер также считал, что войну можно было быстро закончить за несколько месяцев, как он говорил своим знакомым и друзьям. Он верил в дипломатию, подкреплённую угрозой силы, верил в политику «кнута и пряника» и полагался на своё собственное искусство. В своих многочисленных беседах с Никсоном он говорил о некой «увязке», которая по сути дела означала убеждение русских в том, что они скорее достигнут заключения соглашений по контролю над вооружениями и в вопросах торговли, если надавят на своих союзников в Ханое, заставив их закончить войну (р. 304). Но «аппаратчики» в Ханое умели ждать. Они сражались десятилетиями с японцами, затем с французами, затем с американцами. Они прекрасно были осведомлены, что движение за мир набирает силу в Соединённых Штатах.

Никсону досталось скверное «наследие» во Вьетнаме: 530 тыс. американских солдат, гибнущих приблизительно по 200 человек каждую неделю. Стратегия Джонсона, как таковая, могла быть названа «стратегией половины пути»: он остановил бомбардировку Северного Вьетнама как раз накануне выборов: стороны сели за стол переговоров в Париже, но эти консультации ни к чему не вели (р. 305).

Будучи учеником Эйзенхауэра, Никсон пытался выступать в роли главнокомандующего, но ему не очень-то удавалось перенять командный имидж Ай-ка (р. 309). Как признавал после совещаний у президента полковник Хэйг – новый помощник, которого привлёк для этой работы Киссинджер, – Никсон был «наиболее информированным, наиболее подготовленным и наименее предсказуемым из всех присутствующих лиц» (р. 310). Но тот же Хэйг замечал, что Никсон был болезненно застенчив, «с почти патологической нелюбовью к конфронтации» (р. 310).

Тем не менее Никсон отдавал не подлежащие обсуждению «секретные» команды бомбить ближайшую ко Вьетнаму территорию Камбоджи, использовавшуюся, как считалось, вьетнамцами для укрытия и набегов на юг Вьетнама. Историки до сих пор спорят относительно эффективности таких бомбардировок, в ходе которых было сброшено до 104 тыс. т снарядов, что по мнению некоторых специалистов лишь вело к эскалации войны.

Первые девять месяцев на президентском посту ознаменовались желанием Никсона быть на виду и всё держать под контролем (р. 314). Как и все президенты он допускал утечки информации и как и все президенты беспрестанно жаловался на них. И. Томас отмечает, что придание огласке газетой «Нью-Йорк таймс» 9 мая 1968 г. секретного приказа о бомбардировках Камбоджи, не вызвало таких волнений, как последующее обнаружение распоряжений о прослушивании должностных лиц, что в конечном счёте привело к образованию Белым домом группы «сантехников» и взлому в отеле «Уотергейт» (р. 315). Автор, зная, какую пагубную роль сыграл этот взлом в карьере Никсона, готовит читателя к этой драматической развязке как бы исподволь, выстраивая цепь событий ещё, можно сказать, на дальних подступах. За период в 20 месяцев ФБР устроило прослушивание 13 гражданских служащих и четырёх корреспондентов, т.е. охватило прослушкой с использованием электронных средств 17 лиц (р. 315).

В своём видении Никсон, по мнению И. Томаса, значительно опережал своего ближайшего советника по внешней политике. На замечание главы администрации о том, что президент серьёзно намеревается посетить Китай до окончания второго срока, Киссинджер снял очки и протёр их. Лёгкая улыбка появилась на его лице. Он повернулся к Холдману и сказал: «*Fat chance*», что означает «Слабая надежда!» (р. 319).

Интересны откровения Никсона относительно того состояния, в котором политик может считать себя побеждённым. В одной из записок он, предвкусывая вопросы прессы, касавшиеся скандальной истории с Эдвардом Кеннеди, набросал следующий ответ: «Победить – не означает прикончить человека. Человек прикончен, когда он сдаётся» (р. 323). Конечно, можно считать, что сам Никсон был «прикончен», когда под прессом разоблачений он вынужден был «сдаться» и покинуть Белый дом.

Самой непреодолимой проблемой для президента оставалось окончание войны во Вьетнаме, которая становилась «войной Никсона» (р. 324). 15 июля 1969 г. Никсон направил секретное письмо Хо Ши Мину, предупреждая, что, если к 1 ноября не будет достигнут прорыв в мирном урегулировании, он будет вынужден прибегнуть к «действиям, которые будут иметь огромные последствия». 25 августа лидер Северного Вьетнама, который уже фактически находился на смертном одре, «холодно отверг угрозу Никсона» (р. 324).

В обращении к нации Никсон подчёркивал: «Первое поражение в истории нашей нации привело бы к крушению веры в американское лидерство не только в Азии, но и во всём мире» (р. 332). Он просил поддержки у «огромного молчаливого большинства американцев-соотечественников» (р. 332). Необходимость окончания войны признавали, естественно, и в Москве, и поэтому, когда в Нью-Йорк приезжали высокопоставленные официальные лица, все откровенно высказывались на этот счёт. В конечном счёте, как считает автор, Никсону удалось одержать «пиаровскую победу» (р. 336).

По мнению автора, Никсону так и не удалось примирить человека, которым он хотел быть, с человеком, которым он в действительности был (р. 340). Президент отчётливо признавал, что его способность управлять зависит от политического искусства, от его способности убеждать законодателей в том, что поддержка его курса отвечает их политическим интересам (р. 343).

Самой смелой и лучшей идеей Никсона была реформа в области социальной защиты (*Welfare reform*), которая была воплощена в «Программе помощи

семье». При этом президент отталкивался от своего собственного жизненного опыта периода «Великой депрессии», когда он был свидетелем участи голодных и бездомных людей, просящих милостыню в лавке отца. Именно тогда он познал, какое унижение несёт попрошайничество (р. 345).

По словам И. Томаса, Никсон без лишней скромности считал себя стратегическим мыслителем, но кем он был на самом деле – так это превосходным тактиком с инстинктивным ощущением возможного. Как оптимист, каковым он старался стать, Никсон видел потенциал для «большой игры»; как пессимист, каковым он оставался в действительности, он был способным овладеть достижимым. Никсон высоко ценил Вудро Вильсона, который мечтал о создании безопасного для демократии мира, однако идейно ему был ближе британский государственный деятель Бёрк, предпочитавший реализм и компромисс (р. 348). Притом, что Никсон необычайно гордился «американской исключительностью», он понимал, что часто действовал с позиции стратегической слабости. И далее автор приводит важную оценку действительного положения дел: «Заграницей Америка не могла более исходить из предпосылки, что она – единственная сверхдержава, поскольку Советский Союз и Китай создавали и совершенствовали свои ядерные арсеналы и продолжали проповедовать такой бренд марксизма, который был удивительно привлекателен для постколониального мира» (р. 349).

Никсон, как полагает И. Томас, наилучшим способом избавления от расизма считал сильную экономику. Он хотел помочь чернокожим американцам найти рабочие места и понимал, что для получения лучших рабочих мест чернокожим необходимо дать образование. В 1968 г. 68% чернокожих детей на юге США ходили в школы только для чёрных. В 1972 г. таких осталось только 8%. Это, конечно, вряд ли полностью отражает масштабы, проделанной администрацией Никсона работы по урегулированию расовых проблем, но напоминает о том тяжёлом наследии, которое досталось президенту, когда расовые беспорядки то и дело переплетались со студенческими волнениями из-за войны во Вьетнаме.

Никсон не доверял ЦРУ и его директору Хелмсу, но был глубоко связан с Гувером из ФБР (р. 398). Любопытно, что в бытность Никсона президентом Гувер настаивал на проведении ФБР незаконной слежки только по письменным указаниям президента. Гувер знал, что он тем самым предлагал «ядовитую пилюлю»; у Никсона были огромные возможности президентской власти, но он часто предпочитал действовать под покровом секретности (р. 400).

Во внешней политике единственным советником президента, имевшим право переступить порог его кабинета без разрешения личного помощника Никсона Стива Булла, был Генри Киссинджер. Однако, как подчёркивает автор, Никсон любил время от времени поставить его на место (р. 412). Однажды, не смотря в сторону входящего в кабинет Киссинджера, он сказал Чарлзу Колсону (специальный советник президента): «Считаю, вы здесь правы, Чак. Думаю настало время использовать ядерное оружие. Всё остальное провалилось» (р. 412). Киссинджер, по воспоминаниям Колсона, застыл как «парализованный». Если оставить в стороне грубую шутку, продолжает автор, сомнительно, чтобы Никсон когда-либо серьёзно рассматривал вопрос об использовании ядерного оружия, однако его замечание о том, что всё остальное провалилось, отнюдь не было преувеличением (р. 412).

Внешняя политика была «первой любовью» Никсона, на втором же месте всегда оставались выборы. Никсону нравилось выступать в роли главного

стратега выборной кампании во многом потому, что он знал, что хорош в этой роли. Критики его совсем не раздражали, хотя ему досталась «самая недружественная пресса», однако Никсон искренне расстраивался, поскольку нападки «глубоко ранили Пэт и дочерей» (р. 431).

Несомненный интерес представляют откровения самого Никсона в его мемуарах: «Проблемы, с которыми мы столкнулись, были настолько тягостными и непреодолимыми, что казалось, вряд ли я смогу быть даже номинированным для переизбрания в 1972 году» (р. 434). Эти внутренние трудности могли оказать негативное воздействие на курс разрядки между Советским Союзом и США. Но однажды, когда Никсон со своими помощниками был озабочен тем, как создать неудобства Эдварду Кеннеди в ходе предстоящей выборной кампании, Киссинджер сообщил, что Соединённые Штаты и Советский Союз близки к исторической договорённости по контролю над ядерными вооружениями (р. 439).

Автор уточняет, что проходившие в то время в Женеве официальные переговоры представителей Государственного департамента с советскими контрпартнёрами относительно контроля над вооружениями были «по существу бессмысленным занятием, дипломатическим прикрытием реально ведущейся закулисной торговли между советником президента по национальной безопасности и человеком Кремля в Вашингтоне» (р. 439). Преисполненный решимости создать новый баланс сил Никсон, отмечает автор, хотел превратить Москву в партнёра по реальной политике в новом мировом порядке вместо некоего «жуткого марксистского агрессора», размахивающего ядерными ракетами и разглагольствующего о мировой революции. По предложению Киссинджера Белый дом и Кремль решили установить непосредственный тайный контакт через «заднюю дверь», отрезав от него бюрократию. Примерно один раз в месяц посол Добрынин приходил в Белый дом через мало приметную и редко используемую дверь в восточном крыле для продолжительных и изнурительных бесед с Киссинджером, направленных на достижение договорённостей относительно заключения Договора по контролю над вооружениями (р. 298).

Никсон нередко предстаёт фигурой довольно зловещей. Вместе с тем он никогда не давал повода жёлтой прессе в отношении своих моральных качеств. В книге, со слов Уильяма Сэфайра, отмечается: «Президент считает, что падение цивилизаций всегда сопровождалось и общим упадком моральных ценностей» (р. 444).

В своих воспоминаниях Никсон признал, что «Новая экономическая политика» (от этого названия пришлось отказаться, когда кто-то сообразил, что в своё время его использовал Ленин) была чем-то вроде краткосрочного допинга, но в плане долгосрочном вела к банкротству. «Волынщику всегда нужно платить», – писал Никсон (р. 486).

Весьма красноречиво следующее признание Никсона: «Эго – это нечто, присущее всем нам. Впоследствии вы либо избавляетесь от него, либо оно завладевает вами. Я сам вырос из этого... Оно (эго) со временем становится некой компенсацией комплекса неполноценности...» (р. 494).

Любопытны откровения Никсона в беседе с Чжоу Эньлаем: «Поражение на выборах помогает развить силу и характер, которые необходимы для будущих сражений. Я понял, что поражения меня научили гораздо большему, чем победы и всё, что мне нужно – это жизнь, в которой у меня будет ещё одна победа...» (р. 506). Такое откровение впечатляет.

Даже во время своего исторического визита в Китай (когда, по словам Никсона, «одна неделя изменила мир») в своих мыслях американский президент прежде всего думает о победе дома. Пребывание на вершине власти становится для него своеобразным наркотиком. И он глубоко озабочен тем, что пресса не понимает его, хотя, замечает Томсон, освещение его пекинской поездки в СМИ было лучшим в его жизни (р. 506).

Никсон знал, что он победит на выборах; единственный вопрос: сколькими голосами? (р. 514). Охваченные своеобразной паранойей, его подопечные (Боб Холдман, Джон Дин и др.) начали составлять «список врагов» Белого дома (р. 515), который оказался обескураживающе большим. Главный редактор «Вашингтон пост» Бен Брэдли вспоминал: «Цена наших акций резко упала, как только стало известно, что медиа-холдинг лишится своего дохода от телевизионной станции. То было время опасений, и оно оказало критическое воздействие на нас. Начиная с этого момента, мы знали, что Никсон ненавидит нас и мы отвечали ему взаимностью. Без этого «Вашингтон пост» никогда не вёла бы себя столь уверенно в репортажах об «Уотергейте» (р. 518).

Президент рисковал своей внешней политикой и самим постом президента, когда сообщил нации, что отдаёт приказ минировать порт Хайфон, куда русские корабли поставляли грузы северным вьетнамцам (р. 518). Он был крайне раздосадован беспомощностью вооружённых сил супердержавы и их неумением справиться с маленьким Вьетнамом.

Кроме того, отношение к нему политической элиты раздражало Никсона настолько, что он стал вынашивать планы основания «новой независимой партии – Независимой консервативной партии или чего-то в этом роде», что могло помочь и тем самым создать абсолютно новый истеблишмент для замены либеральной элиты» (р. 520). Конечно, такие планы можно отнести к разряду прожектёрства, но сам факт наличия, точнее их существование, полезно учитывать при анализе или прогнозировании возможного развития политической практики в Вашингтоне.

Как известно, Москва не стала обострять отношения с Вашингтоном и пошла на переговоры и достижение договорённостей. В книге довольно обстоятельно, хотя и с неизбежными сокращениями и упрощениями, описывается атмосфера пребывания Никсона в Москве.

Публичный приём в российской столице был довольно прохладным, но Никсону было приятно на следующий день увидеть во время утренней прогулки американский флаг над своей резиденцией в Кремле. На встрече с Брежневым, который внешне напоминал крутого американского профсоюзного босса, Никсон, как это было на встречах с другими зарубежными лидерами, избегал «заумных лекций о свободе». Вместо этого он говорил об интересах, никогда не заносился и всегда демонстрировал уважение (р. 528). Вспомнив об отношениях между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, оба лидера сошлись на том, что, если оставить все решения бюрократам, то, по словам Никсона, они никогда не достигнут прогресса, и «зароют нас в бумагах» (р. 528). На второй день переговоров, после лодочной прогулки, проходившей весьма дружелюбно, советское руководство сменило тон и стало резко критиковать американцев за войну во Вьетнаме, за «варварские», по словам Брежнева, «как у нацистов», бомбардировки. Американская делегация быстро смекнула, что эти «оскорбления» делались специально «для передачи в Ханой, чтобы успокоить северовьетнамских товарищей» (р. 529).

На вопрос Никсона советскому лидеру «Вы угрожаете?» Брежнев отреагировал весьма предсказуемо: он успокоился, и в ходе несколько задержавшегося обеда шутки и тосты возобновились (р. 529). Переговоры по почти завершённом Договору по сокращению вооружений затянулись ещё на день. Брежнев якобы пытался забрать сделанные ранее уступки по ракетам малой дальности. Никсон спокойно дал указание Киссинджеру «не сгибаться». Через два дня Политбюро согласилось со всеми американскими условиями, и около 11 утра в пятницу 26 мая американцы и русские подписали первое в истории Соглашение по контролю над вооружениями, заморозив ядерные арсеналы, одновременно продолжая успешно работать над более широким соглашением. В то время, когда Брежнев и Никсон обменивались тостами за здоровье друг друга и за мир, за 5000 миль от Москвы, в Континентальном зале отеля «Уотергейт» в Вашингтоне Говард Хант и Гордон Лидди организовали банкет для празднования предстоящего «взлома» (р. 530). Никсон, по словам И. Томаса, «считал шпионство за оппонентами нормальным и общепринятым делом и самого начала «уотергейтского скандала» обвинял прессу в «двойных стандартах», полагая, что демократам журналисты «спускали» то, за что республиканцев «хватили за руку» (р. 530).

По опыту ближайшего окружения президента (Эрлихмана, Холдемана и Митчелла) «грязные трюки в ходе избирательных кампаний становились привычными политическими клише, нормой поведения с обеих сторон» (р. 536). Для Никсона вначале «уотергейт» был «надоедливой проблемой, но всё ещё мелкочью среди других» (р. 538). Дела, связанные с русскими, китайцами, северовьетнамцами, а также с Генри Киссинджером, были значительно более существенными (р. 538).

Возможно, самым удивительным пассажем этой книги является замечание её автора о том, что «уотергейтский взлом остаётся чем-то вроде мистерии. Различные конспирологические теории излагают всевозможные причины и доводы от «тихого переворота» военных, разочаровавшихся в Никсоне, заговора ЦРУ с целью свержения президента до попытки Комитета по переизбранию Президента (*Committee for ReElection of the President*) получить больше сведений о так называемой клике, занимающейся делами «девочек по вызову». Хотя в поддержку этих теорий существуют некоторые интересные следы, наилучшая догадка относительно того, кто и почему заказал взлом, более прозаична. Ощущая давление Холдемана, Колсона и Митчелла, требовавших «нарыть» побольше грязи на демократов, главным образом в отношении предмета особой ненависти со стороны Никсона – Лоуренса О'Брайена, Магрудер спустил с поводка Лидди и Ханта. По словам автора книги, Никсон, почти наверняка не знал о намечающемся взломе штаб-квартиры Демократической партии (р. 538)

Разумеется, такое разъяснение, хотя и не снимает вины с Никсона, на наш взгляд, является полезным с точки зрения объективного анализа сложившейся тогда обстановки именно в период начинавшейся материализации разрядки.

Сам автор, отнюдь не собираясь оправдывать президента, замечает, что «именно Никсон создал токсическую атмосферу, в которой его помощники ощущали давление, заставлявшее их шпионить за людьми, которые в представлении президента были врагами» (р. 540).

Вслед за И. Томасом мы можем сказать, что написание биографии Никсона всегда своевременно, поскольку за этим политиком остались пласты далеко

ещё не прочитанной истории Америки в архивах и звукозаписях на тысячи часов. Некоторые исследователи (историки, культурологи, психоаналитики и филологи) изучают даже особенности воздействия «эпохи Никсона» на язык и политическую культуру США, которые ощущаются и в наше время. Судьба Никсона и «уотергейтское дело» стали своего рода учебным пособием для США и всего мира в отношении того, чего не должен делать президент. Время от времени выходят новые книги о Никсоне. Для нас, конечно же, до сих пор интересно, что за человек был политик Никсон, с участием которого произошли существенные подвижки в советско-американских отношениях в сторону действительно мирного сосуществования. Нам далеко не безразлично, как Никсон относился к русским, почему он считал их только противниками, а не врагами? Поэтому вопрос о том, кем был мистер Никсон, ещё долго будет актуальным.

Time and People

Richard M. Nixon: a Man and a Politician

(USA ❖ Canada Journal 2016, No. 7, p.68-82)

Received 15.10.2015.

SOKOLOV Vladimir Alekseyevich, Moscow State Institute of Culture. 7 ul. Bibliotechnaya, Moscow, 141104, Russian Federation (nsokol21@mail.ru).

Richard Milhous Nixon, the 37th President of the United States, a person and a politician can't be defined and assessed directly and unambiguously. On the one hand, he appears as «a political genius», who managed to repeatedly return to the heights of state power from real oblivion. On the other hand, he is a person who inflicted considerable damage to American concept of democracy and political culture. This article analyzes the book by Evan Thomas which is called «Being Nixon: a Man Divided», which is dedicated to the fortieth anniversary of the resignation of US president as a result of Watergate scandal. This is sort of a political portrait of a man, who had a huge impact on the political life in the United States and international situation as a whole in the post-war period.

Keywords: *Watergate, impeachment, the Vietnam war, détente, Soviet-American relations.*

About the author:

SOKOLOV Vladimir Alekseyevich, Candidate of Sciences (History), Chair of Journalism, associate professor.